

емъ и начинающійся поворотъ отъ невѣрія, отчаянія и убійства къ вѣрѣ, надеждѣ, къ прощенью, къ любви. По чрезвычайно мѣткому опредѣленію Громеки, Левъ Толстой— «человѣкъ въ такихъ предѣлахъ, что немногіе могли и могутъ съ нимъ сравниться»; художникъ и мыслитель совершенно исчезаютъ въ его «человѣкѣ, который такъ необыкновенно далекъ отъ всѣхъ профессиональныхъ названій».

Изучить творенія Толстого съ точки зрѣнія его идей и мнѣній—такова задача, которую ставили себѣ лучшіе критики автора «Исповѣди» у насъ и за границей. «Толстой,—воскликаетъ французскій критикъ Мельхиоръ Воюэ,—это новая Россія, Россія, бросившаяся на поиски себѣ путей, не желающая ничего знать о нашихъ вкусахъ и зачастую намъ непонятная. Не требуйте отъ нея ограниченій, къ которымъ она наименѣе способна, не требуйте сосредоточенія на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, не требуйте, чтобы она подчинила свое пониманіе жизни какой-нибудь доктринѣ». Мѣрку, которую можно было бы прикинуть къ творчеству Льва Толстого, французскій критикъ рѣшительно не находитъ. «Съ нашей привычкой къ симметріи,—говоритъ онъ,—мы измышляемъ классификаціи, чтобы ориентироваться въ свободѣ чело-вѣческаго духа. Но какъ-только личность выходитъ изъ рядовъ посредственности, она пренебрегаетъ нашими аршинами и нашими циркулярами: она комбинируетъ въ новыхъ пропорціяхъ разные рецепты, какіе мы ей предлагаемъ для собственной потѣхи. Вселенная съ ея чело-вѣчествомъ, океанами, небесами, является предъ нею словно арфа съ тысячею струнъ, которыя, казалось, всѣ уже испробованы. Но вотъ прохожій извлекаетъ аккорды изъ стараго инструмента, по своему истолковывая эту вселенную. По его капризу, эти потертыя струны комбинируются на новый манеръ, и изъ эгого каприза рождается мелодія неслыханная, которая сразу удивляетъ насъ, которая дѣлаетъ яснѣе смутный лепетъ чело-вѣческой мысли, расширяетъ сокровищницу идей, служащихъ основаніемъ нашей жизни».

Вмѣстѣ съ Воюэ и другіе французскіе критики признаютъ, что творенія Толстого—ключъ къ пониманію русскаго характера, русскаго темперамента. Флоберъ, по его собственному признанію, «вскрикивавшій отъ удивленія при чтеніи «Войны и мира», замѣчаетъ еще слѣдующее: «Наконецъ-то ви-

дишь живого чело-вѣка, автора и русскаго, тогда какъ до сихъ поръ въ литературѣ видѣли только «природу» и «чело-вѣчество». Другой французскій критикъ, самъ тоже романистъ, Дельпи, прочитавъ «Войну и миръ», эту «одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпопей въ XIX вѣкѣ», даетъ просторъ своимъ впечатлѣніямъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Поэтъ, историкъ, философъ не перестанутъ читать и перечитывать эту книгу. Душа патріота вскрывается въ ней. И удивительная вещь! никогда еще книга, написанная съ патристическимъ чувствомъ, не внушала болѣе глубокаго ужаса къ войнѣ. Эта книга показываетъ, какая разница между чело-вѣкомъ, спокойно смотрящимъ на событія, и фанфарономъ, вызывающимъ всѣхъ на драку. Умѣть хорошо защищать—вотъ настоящій патріотизмъ, нападать на другихъ—вотъ противоположность патріотизма. Прочтите романъ Толстого всѣ вы, легкомысленно разгадывающіе о войнѣ и сраженіяхъ! Прочтите эту книгу, гдѣ ужасы нападенія хладнокровно выставлены на показъ философомъ, который рассказываетъ о нихъ, какъ хирургъ, описывающій болѣзнь по вскрытымъ внутренностямъ. Отъ такихъ книгъ приливаетъ кровь къ голо-вѣ».

Интересно сопоставить эти сужденія французскихъ писателей съ оцѣнкой писательской личности Толстого, принадлежащей перу одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ критиковъ. «Все, что написано Толстымъ,—говоритъ авторъ книги «Literarische Streifzüge durch Russland», г. Цабель,—есть необходимое выраженіе богато одаренной природы и внутренняго міра художника, который не довольствуется внѣшнимъ виртуозничествомъ живописца, но имѣетъ въ виду высшія нравственныя и духовныя цѣли. У него свой особенный стиль, своеобразная фантазія, своя особенная религія... Во всѣхъ его книгахъ проглядываетъ субъективность, безъ устали работающая надъ собою, чтобы уяснить себѣ вопросы нравственныя и религіозныя и найти миръ душѣ своей... Элементы, изъ которыхъ сложилась личность писателя, представляютъ весьма замѣчательную смѣсь, тѣмъ болѣе, что Толстой—русскій до мозга костей, никогда не отчуждался отъ сердца своей родины, и тонкаго различія національныхъ культуръ, какъ выработалось оно въ западныхъ странахъ, либо не признаетъ вовсе, либо не соблюдаетъ ни въ чемъ».

Толстого часто наша иностранная кри-